

М. А. САЛМИНА

«Сказание об убении Даниила Суздальского и о начале Москвы» как литературный памятник

В статье «К вопросу о происхождении „Сказания об убении Даниила Суздальского и о начале Москвы“»¹ говорилось, что «Сказание» в своем первоначальном варианте представляло собой находящееся в составе летописца сочинение, которое мы назвали «рассказом о начале Москвы».

Выделившийся из летописца «рассказ о начале Москвы» четко разделяется на две части: первая подробно описывает убийство князя Даниила Александровича сыновьями боярина Кучки при участии княгини Улиты Юрьевны, вторая рассказывает об «отмщении» за смерть Даниила, о казни Кучки с сыновьями и Улиты, а в заключении сообщает об основании на месте «сел красных» боярина Кучки города Москвы.

Главным героем «Сказания» является князь Даниил Александрович Суздальский. Немалая роль в «Сказании» отведена и его брату Андрею Александровичу Владимирскому, мстящему за смерть Даниила. Как можно понять, это сыновья Александра Невского, жившие в XIII в. и умершие в самом начале XIV в. Даниил считался родоначальником московских князей. Москву в удел он получил не позднее 1283 г. О нем известно, что он участвовал в различных военных союзах, то действуя заодно со своим старшим братом Андреем, то переходя в группировки, враждебные последнему. Портретной его характеристики летописные записи не дают. Умер Даниил 4 марта 1303 г.²

Однако все то, что рассказывается о Данииле в повести, с его биографией ничего общего не имеет. В «Сказании» он выступает как князь «суздальский». Он умирает насильственной смертью и раньше, чем основывается Москва. Единственно достоверное из сообщений о нем — это то, что Даниил имел сына Ивана, будущего Ивана Калиту.

Далек от своего исторического прототипа и герой второй части «Сказания», повествующей о мести Кучковичам и княгине за смерть Даниила, — его брат Андрей Александрович Владимирский. Исторический князь Андрей — брат Даниила Александровича, занимал великокняжеский стол с 1282 г. с перерывами. Как свидетельствуют известия летописей, с братом своим Даниилом он не всегда был в миролюбивых отношениях; в вопросе обладания переяславским княжеством он сделался даже его противником. Умер Андрей в 1304 г., годом спустя после смерти Даниила.³

В «Сказании», однако, князь Андрей предстает далеко не в историческом освещении. От истории в «Сказании» о нем осталось лишь то, что

¹ М. А. Салмина. К вопросу о происхождении «Сказания об убении Даниила Суздальского и о начале Москвы». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 231—234.

² Л. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., т. 2. СПб., 1891, стр. 273—275.

³ Там же. т. 1, СПб., 1889, стр. 53—58.

он князь Владимирский, имеющий сына Георгия и брата Даниила Александровича.

Таким образом, становится очевидным, что изображение обстоятельств, сопутствовавших основанию Москвы, какое мы имеем в «Сказании», не имело исторической основы. Предстоит решить вопрос о возможных литературных источниках, использованных автором «Сказания», и выяснить способ обработки этих источников.

Еще С. К. Шамбинаго заметил, что в ряду источников «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» главная роль принадлежит «Повести о зачале Москвы».⁴ Однако в «Сказании» основная тема «Повести о зачале Москвы» — создание Москвы «на крови» оказалась на втором плане и убийство князя стало поводом к дальнейшим событиям — убийству Кучки и основанию на месте его сел города Москвы. Так была нарушена историческая (или по крайней мере закрепленная преданием) последовательность фактов, предшествовавших основанию Москвы и связанных в дальнейшем с обстоятельствами, при которых возникла будущая столица Русского государства. Но этим не ограничивается в «Сказании» отход от истории и даже от той ограниченной «историчности», какая все же выдержана автором «Повести о зачале Москвы». События, имевшие место в середине XII в. (основание Москвы Юрием Долгоруким) и в 1170-е годы (убийство Андрея Боголюбского и месть за него брата убитого — Михаила), перенесены в XIII в. и включены в вымышленные биографии сыновей Александра Невского.

Таким образом, в общем плане автор «Сказания» отошел от последовательности рассказа «Повести о зачале Москвы». Но в построении отдельных частей связь обоих произведений обнаруживается без труда, сохраняется она и в отдельных деталях. Проследим за характером этой связи.

С. К. Шамбинаго отметил близость вступительных строк «Сказания» (названных им эпиграфом) к словам «враждующих соседей» из предисловия к «Повести о зачале Москвы», однако он допускал, что эти строки были «ходячим выражением» и потому могли проникнуть в «Сказание» независимо от «Повести».⁵ Вряд ли, однако, два автора, независимо один от другого, могли включить именно в начало своего рассказа на одинаковую тему одно и то же «ходячее выражение» (других случаев употребления его в литературе нам неизвестно). К тому же отголоски «Повести» встречаются в разных частях «Сказания», и поэтому нет основания и вступительные строки его отрывать от этого источника. Но С. К. Шамбинаго не отметил того, что из всего остро публицистического и притом окрашенного полемикой с «враждующими» предисловиями к «Повести» автор «Сказания» воспользовался лишь этими словами: «И почему было Москве царством быть и кто то знал, что Москве государством слыть». Не отметил исследователь и того, что в передаче автора «Сказания» эти слова потеряли тот оттенок иронического сомнения, какой они имеют в «Повести», где они вложены в уста «враждующих», не допускающих, что Москва может слыть великим царством. Если в «Повести» предисловие выражает основной замысел произведения — Москва — третий Рим и создана она, как и оба древних Рима, «на крови» и дальнейший рассказ доказывает эту мысль, то в «Сказании» вступительные строки, вырванные из контекста, не связаны так органически с последующим изложением и тему основания великой столицы «на крови» не выделяют как особо важную. Может быть,

⁴ С. К. Шамбинаго. 1) Повести о начале Москвы. — ТОДРА, т. III. М.—Л., 1936, стр. 83—91; 2) История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 247—249.

⁵ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 83.

с этим связана и перестройка всего плана повествования: о крови, пролитой на месте основания Москвы, рассказывается лишь в конце произведения и безо всякой ассоциации с обстоятельствами построения «ветхого» и «нового» Рима.

Схема первого эпизода «Сказания» — описания убийства князя Даниила — несомненно навеяна рассказом «Повести» об убиении Андрея Боголюбского: в обоих произведениях убийство совершают сыновья Кучки, им помогает жена князя, носящая то же имя Улита (хотя и с новым отчеством — Юрьевна). В речи испуганных Кучковичей есть даже прямой отголосок «Повести»: братья, представляя себе, как князь отомстит им за злодеяние, говорят Улите: «а тебе, княгина Улита Юрьевна, повешеной быть на воротех и зле ростриляной» (в «Повести» князь Михаил «повеле княгиню повесити на вратех и растреляти ю изо многих луков»).⁶

Однако эта общая обоим произведениям схема разработана автором «Сказания» совсем по-новому, с привлечением иных литературных источников. Напомним, что «Повесть» построила рассказ об убийстве князя Андрея, воспользовавшись сложившимся издавна в литературе агиографическим образом князя Боголюбского и украсив сцену убийства хронографической картиной убийства императора Никифора Фоки. Иные литературные и фольклорные припоминания питали воображение автора «Сказания», стремившегося увлечь читателя драматичностью рассказа об убийстве Даниила, но совершенно отбросившего всякие попытки сохранить в этом рассказе оттенки историчности.

Мы уже видели, что героем этого эпизода оказался князь Даниил, названный Суздальским, хотя исторический Даниил владел Москвой, — по «Сказанию», и самая Москва была заложена уже после смерти князя. Не внеся в изображение Даниила ничего исторического, автор «Сказания» не воспользовался и характеристикой князя Андрея «Повести» (и предшествующей «Повести» литературной традиции). В Данииле «Сказания» нет ничего аскетического, идущего от агиографической традиции, нет и следов его идеализации в духе «Степенной книги». Даниил лишен определенной характеристики в «Сказании» — можно уловить лишь некоторую его доверчивость: он «жаловал» Кучковичей, не замечая, что они «зжилися любезно» с его вероломной женой; не подозревая обмана, он отдает «наперед» свой перстень «перевощику». Он растерялся — бросил коня в лесу, еще не добежав до Оки-реки. В то же время он угрозой отобрал сыновей у боярина Кучки.

Сняв с Даниила налет прижизненной святости, автор «Сказания» вынужден был и самому конфликту его с женой дать иное объяснение. В «Повести» аскетические наклонности Андрея вызывают озлобление страстной княгини. В «Сказании» пылкая любовь Улиты к обоим красавцам Кучковичам является причиной ее желания убить мужа, стать свободной. О возможном источнике такой ситуации скажем ниже.

Но если Даниил «Сказания», в отличие от Андрея «Повести», при жизни не представляется читателю святым, то, невинно убитый, он после смерти изображается автором «новым мучеником», подобным трем старшим — Борису, Глебу и Святославу, убитым братом Святополком. Так, в круг литературных источников автора вступает произведение, широко использованное затем при описании мести князя Андрея Александровича

⁶ В «Сказании» еще добавлено: «или в землю по плечь живой быть закопаной». Это бытовая деталь: в Уложении 1649 г. (Полное собрание законов Российской империи, т. 1. СПб., 1830, гл. 22, ст. 14) читаем: «а будет жена учинит мужу своему смертное убийство . . . и ее за то казнити, живу окопати в землю и казнити ее такую казнию безо всякия пощады».

за смерть брата. Есть основание признать таким источником «паримийное чтение» о Борисе и Глебе. Именно здесь рядом с рассказом об убийении Бориса и Глеба сообщается, что Святополк «приложи еще убити Святослава в горе Угорьстей и бежавъшу ему в Угры». Может быть, автор «Сказания» был недостаточно осведомлен и не знал, что к лику святых были причислены только два брата, и, прочитав, что Святополк «уби» и Святослава, занес в святые и третьего брата. В одном из списков «паримийного чтения» (список А) сохранился и тот именно эпитет Святополка «поганый полк (а не «поганопълк», как в основном), который перенес наш автор в «Сказание».⁷

Из повести перенесен в «Сказание» боярин Кучка со своими двумя сыновьями. Находясь в услужении при дворе князя Даниила, Кучковичи, как и в «Повести», пользуются любовью князя (там они находились в «велицей чести»), одного из них князь «пожаловал в стольники, а другаго — в чашники». Как и в «Повести», в убийстве своего князя Кучковичи участвуют вместе с его женой княгиней Улитой. Однако если в «Повести» участие Кучковичей в преступлении можно было бы объяснить желанием их отомстить за ранее убитого отца, то в «Сказании» мотивировку убийства ими князя автор перенес в иную область: они любовники княгини Улиты Юрьевны. Самыми красивыми юношами «во всей русской земле» не случайно назвал их автор «Сказания», развивая краткое определение внешности Кучковичей в «Повести» — «лепы зело». Необыкновенная «красота лица их» и возбудила к ним страсть Улиты Юрьевны.

Из текста «Сказания» неясно, кто был зачинщиком заговора против князя — там глухо сообщается, что «Кучка боярина дети со княгиней» «здумали извести князя». Однако из дальнейшего следует, что Улита, а не юноши решительнее стремилась довести дело до конца. Хотя Кучковичи, «аки волци лютии», гнались за раненым князем, однако они действовали «в торопях», «во ужасте», поэтому дали ему скрыться и сразу раскаялись, что затеяли «злое дело смертное». Их душевное состояние автор изображает именно как раскаяние перепуганных мыслью о наказании преступников: «быв в сетованье и в печали, во скорби велицей, что упустили князя Данила жива с побоища ранена», они в ужасе представляют себе, как будет мстить им князь Андрей «с войским», как «принята будет от них злая казнь разноличная и смерть лютая»; они признаются, «что напрасно здумали зло на князя неправедно». Кучковичи, следовательно, сами оценивают весь заговор как «неправедное зло». И только наученные Улитой, как с помощью «пса выжлеца» найти князя, они снова «злаго ума от тоя злоядницы ... наполнишася» и обнаруженного псом князя «мчи и копы прободоша», «отсекоша главу ему, в том же струбце покрыша тело его». В доказательство смерти князя они «привезли ризу кровавую» Улите и зажили с ней «в прелюбодействии».

Этим трусливым исполнителям замыслов княгини противостоит решительная, не останавливающаяся перед преступлением, чтобы удовлетворить свою страсть, «Улита Юрьевна», прототипом которой несомненно является жена князя Андрея из «Повести о зачале Москвы». Однако автор «Сказания» уделил больше внимания характеристике Улиты, усилил ее роль в преступлении, резче осудил ее.

Смело заменив столкновение аскета князя с чувственной женой рассказом о любви княгини к двум красавцам Кучковичам, толкнувшей Улиту на убийство мужа, автор «Сказания» в самом изображении этой любви

⁷ Д. И. Абрамович. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Памятники древнерусской литературы, вып. 2 Пгр., 1916, стр. 118, вар. 54.

полностью держится старой традиции религиозно-дидактической литературы. В каждом упоминании о неверной жене автор прибегает к ярко осудительной лексике, прямо подсказывая читателям оценку поведения Улиты. В рассказе о «блудной похоти», как называет автор любовь Улиты и Кучковичей, он использует все старые средства и дидактического, и хронографического стиля. Виновник этой связи — «дьявол», который «уязви» Улиту и «вложи в сердце» ее «злые мысли на мужа своего»; «дьявольским и сотониным новождением» она «блудною похотью возлюбив» братьев Кучковичей; после убийства «Кучковы дети ... немного жиша со княгинею той в бесовском возжелении, сотониным законом связавшись, удручая тело свое блудною любовною похотию, скверня в прелюбодеестве». Князь Андрей даже в молитве о помощи перед битвой с Кучковым войском прибегает к той же осудительной лексике. Он просит бога о мести «на злых сих блудников наложников тоя бляди Улитки несытых их плотских блудных скверных грязных похотей, бесовских угодных дел связанья их сотонина закона». Подобно Святополку окаянному «та блядь Улитка своего чрева блудных скверных похоти несытовство власта на един час в бескорывство прим, не токмо небеснаго царьства отринувся, но и сего света власть и злато, и сребро и ризы многоцешныя отрицув, но возлюби скверность блудную, похоть чрсу, несытность, возляже с теми наложники на един час, сласть возлюби, всю земную красоту забыв, а стала ино аки ад изблева похоть скверную выля, невеста готовитце окаянному Святополку, во дне адове от сотоны дьявола закон приемлют во веки мучение, мужа своего изгубих своими наложники, аки сотона со двема дьяволы».

Таким образом, «романтическая тема» раскрыта в «Сказании» в духе старой традиции, без всяких попыток проникнуть в душевный мир героев, охваченных сурово осуждаемой автором «любовною похотию». Отношение окружающих к поведению преступной жены выражено в рассказе о том, как казнили Улиту «всякими муками розноличными» и затем предали ее «смерти лютое»: «она, злая, такового безтудства детеля бога не убоаяся, и вельмож всяких людей не усрамышася, а от добрых жен укору и посмеху не постыдишася, мужа своего злой смерти предала». Так выступает традиционное противопоставление «злой жены» «добрым женам».

Наличие мотива любовной измены в «Сказании» позволило С. К. Шамбинаго в своем исследовании⁸ сблизить «Сказание» с рассказом из «Ветрограда» Симеона Полоцкого «Мечь», в котором помимо других сведений о героине рассказывается, как она решилась отравить мужа, чтобы соединиться с другим. Однако подобная параллель не кажется нам убедительной. Героиня Росимунда хотя и не прочь соединиться с Лонгином, но о любовном влечении ее к нему в рассказе речи нет. О красоте Лонгина ничего не говорится. Это Лонгин влюблен в Росимунду и ради того, чтобы «с нею жити», сулит ей золотые горы. К соединению с ним и убийству мужа Росимунду толкает не любовь, а обещание Лонгина Италией «страною владети и лонгобарды в нашей области имети».⁹

Нам представляется, что к «Сказанию» в этом эпизоде гораздо ближе другая параллель. Блещущие красотой молодые люди, княгиня, пошедшая на убийство мужа ради любви к ним — все это не может не напомнить ситуацию, имеющую место в рассказе Хронографа о Никифоре Фоке. Там Феофана убивает Никифора Фоку, так как «привязавшись любовию»

⁸ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 85—86.

⁹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарий И. П. Еремينا. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), стр. 29—31.

к Цимисхию, приближенному императора, славившемуся, по-видимому, своей красотой (царица заставила мужа «въдати» ему «красоту правую»). Именно рассказ Хронографа, а не тот, о котором говорит С. К. Шамбинаго, возможно, и подсказал автору «Сказания» иное, чем в «Повести», объяснение причины убийства князя. Рассказ этот могла напомнить ему «Повесть о зачале Москвы», от которой отталкивался автор «Сказания» в своем повествовании. Построив на любовной основе рассказ о разыгравшейся в семействе князя Даниила драме, автор «Сказания» окончательно отошел от истории. В «Сказании» при далеко «не историческом» князе еще и Кучковичи оказались не мстителями за смерть отца, объединившимися с злобной княгиней, а любовниками ее (при этом сразу оба!).

Решительно изменив причину конфликта между князем и его женой, автор «Сказания» и самую картину убийства построил вне зависимости от «Повести», введя в свое повествование отголоски каких-то местных преданий об обманщице перевозчике и рассказов о верном псе, невольно отдавшем своего хозяина в руки его врагов. Единственное, что, быть может, связывает это новое изображение убийства даже не с «Повестью», а скорее с ее источником — сказанием «о убиении Андрея Боголюбского», — это постепенное развитие событий: князь убит не сразу; раненый, он скрывается от врагов; убийцы напуганы, ищут князя и добивают его там, где он спрятался.

Однако, даже если автор «Сказания» в какой-то мере и последовал за историческим источником — летописной повестью «о убиении Андрея Боголюбского», излагая рассказ об убийстве князя, в самом изображении картины убийства нет и доли историчности.

Картина убийства в «Сказании» развернута в нескольких красочно описанных эпизодах. Первое столкновение князя с убийцами автор изобразил на охоте, куда Кучковичи пригласили князя — «ехати поля смотрити зайца лову», — с тем чтобы убить его. Но им удалось лишь ранить князя. Далее в повести рассказывается, как, скрывшись от Кучковичей в лесной чаще, князь побежал в направлении реки Оки и, «добежав до перевоза», хотел переправиться на ту сторону. Однако перевозчик проявил коварство: взяв плату с князя в виде перстня, он «отпехнувся в перевозне за Оку-реку и не перевезе его».

Остановившись на этом эпизоде и обратив внимание на то, что «от Суздаля ... до ближайшей излучины Оки километров около ста шестидесяти», С. К. Шамбинаго писал: термин «Ока-река» в повести «явно несообразен»; по-видимому, «сюда притянута ... окская легенда». Таковой С. К. Шамбинаго посчитал легенду о Петре митрополите, ехавшем в Орду и при переправе через реку Оку около Алексина обобранном «перевозниками» (они сняли с него крест, так как у него не оказалось денег, чтобы заплатить им). «Поступок окских перевозчиков с митрополитом легенды и князем новеллы («Сказания», — М. С.), — писал С. К. Шамбинаго, — идентичен по мотиву грубого лихоимства».¹⁰

Возможно, С. К. Шамбинаго и прав, считая, что в эпизоде с перевозчиком «Сказания» следует видеть отражение местной окской легенды; необязательно только, думается, надо связывать его с легендой о митрополите Петре. Однако проводить параллель между «перевозом» «Сказания» и переправой молодца через реку в песне «Добрый молодец и река Смородина» — у С. К. Шамбинаго есть намек на попытку это сделать — было бы неправильным. Не говоря о том, что самые «условия» перевоза в обоих произведениях различны (в песне сама река перевозит молодца),

¹⁰ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 86.

не совпадают и задачи, для которых сцены переправы через реку введены в эти произведения. В песне с молодым мотив перевоза служит формой героизации молодца; его в конечном счете «непереправа» означала, что «в нем нет важных нравственных качеств, столь необходимых настоящему герою».¹¹ В «Сказании» «непереправа» князя через реку — это просто препятствие на пути преследуемого князя: автор ввел это препятствие только для того, чтобы оттянуть развязку и драматизировать события.¹²

Лишенный возможности переправиться на тот берег, «бояся за собою людей погонщиков», князь бросился бежать вдоль реки. Приближалась ночь, необходимо было где-то укрыться, но «пусто было место в дебри». И вот наконец князь наткнулся на «струбец», где был погребен «упокойный мертвый». Это было единственное убежище и «забыв страсть от мертвого», князь «влезе в струбец той, закрывся» в нем и «почии» в нем всю «ночь» до утра.

Является ли этот эпизод отражением какой-то местной, может быть окской, легенды или он придуман самим автором, трудно сказать, но прав С. К. Шамбинаго, что вся картина темной осенней ночи в лесу, описание ночлега раненого князя в срубе с мертвецом, «явно рассчитана на возбуждение чувства жуткого» и «дает, может быть, один из наиболее ранних образов романтического приема изложения с целью вызвать у читателя определенное настроение».¹³ Добавим, что особый интерес с точки зрения развития художественного мастерства представляет в этом эпизоде «Сказания» пейзаж, который уже сам по себе углубляет тревогу читателя за судьбу героя.

«Струбец», где «ухоронися» князь, не спас его от смерти. Растерявшиеся сначала, затем ободренные своей любовницей, Кучковичи отправились с псом-выжлецом в погоню за князем. «Побежав пес зле Оку-реку» по следам хозяина «и добежав до того струпа упокойнаго, где ухоронися князь», «забив ... главу ... в струбец». Увидев в нем хозяина, пес «нача ему радоватись ласково»,¹⁴ и убийцы «скоро скача», сорвали «покров струбца того» и «люто» расправились с князем.

Лишенное историчности описание убийства князя Даниила выполнено художественно правдиво и убедительно рисует доверчивого князя, не подозревающего ни коварных замыслов Кучковичей, ни возможности быть обманутым перевозчиком, трусливых убийц, растерявшихся, когда князь скрылся от них, настойчивую злобу княгини и даже радость «пса-выжлеца», нашедшего любимого хозяина. Каковы бы ни были литературные и фольклорные источники автора, он сумел в этом эпизоде создать вымышленную, но художественно правдивую и в целом, и в деталях картину убийства, выразительно охарактеризовать всех участников этого события, внушить читателю самим способом изображения свою оценку их. Литературное умение автора «Сказания» в повествовании о семейной драме князя

¹¹ Б. Н. Путилов. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочасти». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 233.

¹² Но и в тех песнях с мотивом перевоза, где присутствует перевозчик, самый эпизод с переправой несет по сравнению со «Сказанием» совершенно иной смысл и служит иным художественным задачам (см.: Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 81—82 («Князь Роман и Марья Юрьевна»), стр. 109—110 («Девушка бежит из плена»)).

¹³ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 87.

¹⁴ Останавливая свое внимание на «бегущем» псе, который при виде своего хозяина бросается к нему и тем самым выдает его убийцам, С. К. Шамбинаго высказывал следующее предположение: не могло ли на появление в «Сказании» пса-выжлеца «повлиять сравнение Кучковичей в хронографической повести («Повести о зачале Москвы», — М. С.) „яко следящи пси бросаются они на князя“»

Даниила оказалось выше, чем у его предшественника, еще робко приспособившего рассказ Хронографа об убийстве императора Никифора Фоки к биографии Андрея Боголюбского.

Вторая часть «Сказания» имеет темой «начало Москвы», которому предшествует «отмщение» за смерть Даниила. Связующим звеном между первой частью «Сказания» и изображением мести князя Андрея является вымышленный рассказ о «верном слуге» Даниила Давыде Тярдемиве, который «втай» берег два месяца малолетнего сына Даниила Ивана, а затем «отаи ношию» «паде на конь и гнав с ним скоро ко граду Володимеру». От него-то Андрей и узнал о случившейся с Суздаде драме.

В «Сказании» мстителем за смерть Даниила выступает князь Андрей. Картина «отмщения» убийцам в «Сказании» построена по образу «Повести». «Но вскоре убийцы суд постиже», — начинает «Повесть» свой заключительный рассказ об убийстве во Владимире: «прииде из Киева во Владимир брат его Михаил Юрьевич и изби убийцы брата своего ... и телеса их вверже в езеро, а жену его повеле повесити на вратех и разстреляти ю изо многих луков».¹⁵ В «Сказании»: «но скоро доходит весть (об убийстве) в Володимер-град ко князю Андрею Александровичю!». И «зжалися» князь «по брате своем», «собра ... в Володимере ... своего войска ... и поиде ко граду Суздалю», «взяв княгину Улиту и казня всякими муками розноличными», а Кучка-боярина с его детьми «всякими казнями розноличными лютыми». Но если в «Повести» описание картины «отмщения» сделано очень кратко, то в «Сказании» оно разрослось в целое повествование. Литературным прототипом для повествования об «отмщении» убийцам автор «Сказания» избрал один из рассказов о святых мучениках Борисе и Глебе, где имела место тема «отмщения».

Выше было указано, что автор «Сказания», отказавшись от изображения святости князя Даниила при жизни, за мученическую смерть приравнял его к трем братьям — сыновьям Владимира Святославича, убитым Святополком. Отмечено, что в этом сопоставлении он опирался на «паримийное чтение» о Борисе и Глебе. Тот же источник широко использован и в рассказе об «отмщении», где князь Андрей Александрович действует подобно Ярославу Владимировичу, мстящему за смерть братьев. В отличие от других частей «Сказания» в этом эпизоде связь с литературным оригиналом выступает вполне отчетливо. «Аки князь Ярослав» перед битвой, Андрей, узнав об убийстве своего брата Даниила, «воздев руце на небо», обращается к богу с молитвой помочь ему отомстить «кровь неповинную ... брата Даниила». Подобно Ярославу Андрей собирает «своего войска пять тысяць» и идет сначала к граду Суздалю, где правляется с Улитой, «казня» ее «вякими муками розноличными и предаде ея смерти лютое». Там к нему присоединяются «суздальцев три тысячи войска», которые, как когда-то новгородцы Ярославу, говорят Андрею: «можем тебе, князю Андрею, пособьствовати на слых тех изменников». С ними Андрей направляется в «красные села» боярина Кучки Стефана Ивановича, где нашел себе убежище Кучковичи. «Не вдолге» пришлось Андрею с ними «боем битися», «не было у Кучка боярина круг красных его сел ограды каменные ни острогу деревянного». Его самого и сыновей его заковали в «железа крепкие и казнили его и з детми его всякими казнями розноличными лютыми»; в довершение все «именье» и «богатства» его «разграбиша». Так неисторически в «Сказании» был отмщен неисторический князь Даниил.

¹⁵ Выше (стр. 274) указано, что это описание казни Улиты вошло в размышления напуганных неудачей Кучковичей.

Настигнув уби́йцу в «селах красных» их отца, Андрей Александрович по примеру Юрия Долгорукого «Повести» решает основать на этом понравившемся ему месте город. Связь с «Повестью» в изложении этого события в «Сказании» сохраняется. «На утрии» «посмотрив по красным селам и слободам», «те села и слободы ему красны полюбилися и мысля во уме своем уподобися ту граду быть» («в Повести»: «обозрев с нея (с горы) очима своима семо и овамо ... и возлюбив села оны и повелевает на месте том вскоре соделати мал древян град»). По воздвижении деревянной церкви «святыя Богородицы честнаго и славнаго ея благовещенья» «благодарный» князь Андрей приступил к основанию «града» «около тех красных сел по Москве-реке, бога себе в помощь призывая». В постройке города участвовали «суздальцы, и володимерцы, и ростовцы, и все окрестные»: «Божиею помощию» «в лета 6799 месяца июля в 27 день на память святого великомученика Пантелеймона» город был построен.

Мы убедились, что на всем протяжении «Сказания» сохранились следы его связи с более ранней «Повестью о зачале Москвы». Однако с этим своим основным источником автор «Сказания» обращался свободно, не подчиняясь ему. Прежде всего снята оказалась публицистическая идея «Повести», основание Москвы изображается не для доказательства того, что Москва — третий Рим создавалась при тех же условиях, при каких возникли «ветхий» и «новый» Рим. Автора «Сказания» интересуют сами по себе те драматические события, которые предшествовали основанию столицы Русского государства. Главное внимание его обратилось не на то кровопролитие, какое произошло на месте будущего города и могло доказать, что Москва возникла «на крови», как оба старших Рима. Автор развернул вымышленный рассказ о событиях в Суздале и его окрестностях, событиях, оказавшихся причиной кровавой битвы в «красных селлах» боярина Кучки. Порвав совершенно с историей, автор «Сказания» создал вымышленное повествование о семейной драме, разыгравшейся при дворе князя Даниила. Хотя мотивировка преступления, совершенного Кучковичами и княгиней Улитой, сведена в «Сказании» только к стремлению любовников избавиться от князя-мужа (в «Повести» Кучковичи имеют основание ненавидеть князя, отец которого убил их отца), однако сам рассказ об убийстве Даниила выполнен художественно убедительно, авторская оценка участников событий умело передается читателям, драматизм повествования нарастает, подготавливая к трагической развязке, а описание «отмщения» должно вызвать чувство удовлетворения у читателя — все преступники наказаны. И даже убийство боярина Кучки, слабо мотивированное в предании об основании Москвы, включенном в «Повесть», в «Сказании» логически и психологически оправдано: он укрыв у себя уби́йцу Даниила.

Утратив историчность, отбросив публицистический замысел, «Сказание» превратилось в занимательное повествование о цепи трагических событий, предшествовавших основанию Москвы. Здесь даже события, в которых сохранились глухие отголоски исторических фактов более позднего, чем дата основания Москвы, времени (убийства Кучковичами Андрея Боголюбского), начинают ряд происшествий, завершившихся закладкой будущей столицы.

Но вымышленные события внешне еще прикреплены к историческим фактам, вымышленным героям даны исторические имена, хотя хронология при этом решительно нарушена. По сравнению с «Повестью о зачале Москвы» «Сказание» гораздо ближе к сказочно-исторической, чем к исторической или к историко-публицистической повести. В такой сказочно-исторической манере в середине и второй половине XVII в. обрабатывался материал и русской, и византийской — через Хронограф — история.